

А.П. Павлов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Бытие человека в возможности быть самим собой. «Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя» [1. С.83]. Эта возможность быть самим собой может быть реализована на пересечении индивидуального и общественного, личного и социального, интимного и публичного.

Обществоведы обычно указывают на бинарную сущность человеческого бытия. С одной стороны, человек рассматривается как индивид, обладающий уникальными свойствами и ресурсами, присущими его организму, с другой - он есть социокультурное существо.

Конструирование самого себя - это всегда процесс воспроизводства человеком себя как социального существа. «Специфическая природа человека и его социальность переплетены необычайно сложно. Homo Sapiens всегда и в той же степени есть Homo Socius» [1. С.87]. Синтез организмического и социального, индивидуального и общего в человеке - представляет фундаментальный интерес всех общественных наук.

Мы предлагаем рассмотреть важнейший аспект данной проблемы. Его можно сформулировать в виде вопроса: существуют ли собственно антропологические основания социального порядка? Уточним, что мы подразумеваем под выражением «антропологические основания социального порядка». Это человеческий ресурс, обеспечивающий воспроизводство и развитие жизненной среды, в которой индивид чувствует себя самим собой, возвращается к самому себе. При этом речь идет не о «человеке вообще», абстрактной человеческой сущности, а о реальных людях, принадлежащих реальным группам, сообществам.

Социологические и философские теории, основывающиеся на детерминистских подходах объяснения природы социальных порядков (классический марксизм, позитивизм, функционализм), в последние десятилетия утратили былую популярность. Они оказались неспособными объяснить многие социальные явления, поскольку видимые внешние причины, которые их вызвали, либо отсутствовали, либо невозможно их было эксплицировать.

Речь идет о динамике настроений различных социальных групп, об изменении вкусов, жизненных стереотипов, стилей, увлечений, появлении новых форм социального бытия и т.д.

Чем дальше развивается мировая цивилизация, тем большую роль играют субъективный выбор и поступки отдельных личностей, возрастает значение субъективных проектов и программ, инициатив. Сама реальность утратила характерную для традиционных обществ целостность и представляет собой многообразие жизненных практик, не укладывающихся в жесткие структурные рамки.

Но самая главная особенность современных порядков, на наш взгляд, заключается в принципиальной возможности их конструировать людьми на основании индивидуальных стратегий. В частности, на этом базируются современный менеджмент, коммуникативные технологии манипулирования сознанием людей.

Диалектика индивидуального и социального в современных условиях проявляется в том, что социальные порядки будут развиваться когерентно с расширением возможностей людей распоряжаться собственными субъективными ресурсами, свободно менять жизненные траектории и векторы социализации, а также строить новые планы взамен устаревших.

Для традиционных порядков такая зависимость не актуальна. Человек, который родился и воспитывался в крестьянской семье, всегда будет находиться внутри социально детерминированного «крестьянского» порядка. Выходец из крестьянской среды будет идентифицировать себя именно с данной средой, даже если он будет недоволен своим невысоким социальным положением. Это относится и к другим традиционным социальным общностям: дворянам, священникам, купцам, мещанам и т.д. Индивидуальные коды поведения представителей данных общностей, закрепленные в ритуалах, других традиционных нормах, релевантны социокодам воспроизводства и функционирования социальных порядков, которым они принадлежат.

Таким образом, отправным пунктом исследования социальных порядков выступает личностный экзистенциальный опыт самостановления человека, опыт обретения им собственного Я. Социальный порядок таков, каким он видится, представляется реальным индивидам. Последний и существует постольку, поскольку индивиды своими действиями поддерживают определенный уровень представления о реальности данного порядка. Порядок существует до тех пор, пока существует миф, легенда о его реальности, аутентичности. Но у каждого человека есть своя уникальная перспектива и свое актуальное «сейчас», обусловленные его биографическими особенностями. Тогда возникает вопрос: как, каким образом согласуются действия, мысли отдельных индивидов в рамках общего порядка?

По-другому говоря, проблема заключается в соотносительности «биографически детерминированного мира» отдельного индивида с миром «Других». Данная проблема многими современными обществоведами решается с помощью понятия интересубъективности, концептуализированного такими учеными, как Ч. Кули, Д.Г. Мид, М. Бахтин, Ю. Лотман и др. Особенно хотелось бы отметить крупнейших представителей феноменологического направления в социологии А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, которые связывают интересубъективность с понятием повседневности.

Повседневный мир представляет собой смысловые конструкции, образы, понятия, которые имеют практическое, обиходное значение. В обыденных ситуациях человек руководствуется необходимым, наличным знанием («как надо»).

Это знание имеет интерсубъективную, коммуникационную природу, ибо люди не только знают, «как нужно» себя вести в определенных ситуациях, но и то, что другие располагают подобным (релевантным) знанием. Релевантность означает, что различие жизненных перспектив, обусловленных биографической уникальностью индивидов, несущественно с точки зрения их наличных практических целей.

Повседневное бытие как мир интерсубъективно разделяемых значений и есть, с точки зрения социальных феноменологов, социальный порядок. Однако он не имеет заданной смысловой структуры. В процессе жизнедеятельности люди постоянно ее воспроизводят, конструируют. Социальный порядок можно воспринимать, с одной стороны как структурное закрепление, «рутинизацию» норм поведения, с другой - как практику конституирования реальности в процессе повседневных интеракций индивидов.

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на анализе различных аспектов конституирования социальной реальности, осуществляемом в интерактивных обыденных практиках. Они достаточно хорошо изучены представителями различных направлений теоретической социологии. Однако, на наш взгляд, остается нерешенной проблема принципиального несовпадения человека как тождественного себе и определяемого внутри себя индивида с социальной средой, к которой он принадлежит. Речь идет о его внутреннем мире, на имманентных смыслах его существования.

Человеческое бытие есть «просека», в которой раскрывается многообразие сущего. Для социальной практики данная проблема имеет большую актуальность. В самом деле, если ее проигнорировать, существование человека будет сведено к различным способам усвоения социальных позиций. Таким образом, человеческая экзистенция «растворится» в многообразном проявлении сущего (социальных масок, личин). Такие интеракционистские подходы вряд ли продвигают понимание антропологического фактора социального порядка, поскольку ему отводится пассивная роль принятия социальных статусов, шаблонов, символов. Так, Н. Козлова пишет: «Сбегая по вечерам из дому, чтобы выпить в мужской компании, мужчины подчеркивают, что они мужчины. Женщины напоминают о том, что они женщины, занимаясь «болтовней». Болтовня считается собственно женским занятием» [2. С.27]. С нашей точки зрения, принятие роли другого есть лишь условие самоактуализации человека, а не самоцель. В противном случае можно говорить о его деперсонификации.

С нашей точки зрения, антропологический ресурс заложен в смысловых (экзистенциальных) основаниях человеческого бытия. Разумеется, человек не является изолированной монадой, он безусловно социальное существо. Но его социальность - канал самоактуализации человека, существующая и постоянно воспроизводимая членами данного общества возможность «возвращаться к себе», «быть самими собой».

Под самоактуализацией следует понимать не психологические состояния (страха, тревоги, гордости, огорчения и т.д.), а определенную установку по отношению к ним. Совершенно прав В. Франкл, который писал, что «значимы не наши страхи и не наша тревожность, а то, как мы к ним относимся» [4. С.79].

Самоактуализация скорее этический, нежели психологический феномен. Как отмечает П.Рикер, «оценивая наши действия, мы осуществляем своеобразную интерпретацию собственного «я» в этических терминах» [3. С.49]. Этику самоактуализации, на наш взгляд, можно представить с помощью таких понятий, как «экзистенциал», «образ жизни», «дискурс».

Хайдеггеровский термин «экзистенциал» довольно редко используют обществоведы. Да и сам немецкий философ в более поздних своих работах практически его не применял. Мы предпринимаем попытку «реабилитации» данного понятия, полагая, что оно еще не исчерпало своего когнитивного ресурса. Под экзистенциалами (вслед за М. Хайдеггером) мы понимаем способы и одновременно модусы человеческого существования, которые проявляются в особом настрое, направленности сознания людей на мир как на принадлежащий им, «присвоенный» ими, а также такие экзистенциалы, как забота, тревога (в экзистенциальном, а не в психологическом смысле), заброшенность, «бытие-с-другими» и т.д.

В отличие от М.Хайдеггера, который трактовал экзистенциалы, на наш взгляд, достаточно метафорично, мы предлагаем собственную классификацию экзистенциалов, которые на практике выступают в качестве этических качеств, императивов человеческого бытия в типичных жизненных ситуациях:

- экзистенциал принадлежности социальной группе, общности (в любой жизненной ситуации человек явно или неявно ссылается на свой круг, идентифицирует себя с ним);
- экзистенциал должного, допустимого (указание на место человека в системе ценностно-нормативного порядка, на соответствие ему);
- экзистенциал значимости человека, его места в системе властных отношений, выражающийся в почтении, уважении, почитании, подобострастии;
- экзистенциал безопасности и благополучия (указание на то, насколько прочна позиция человека в данной общности, социальной нише, т.е. речь идет об экзистенциальной безопасности и благополучии);
- экзистенциал само-чувствования, самоощущения (не только в пограничных ситуациях, но и в обыденной жизни человеку важно ощутить себя уникальностью, неповторимой личностью, интересной самой себе);
- экзистенциал комплиментарности (указатель того, как другие воспринимают тебя: любят, ненавидят, симпатизируют и т.п.).

Все эти экзистенциалы не навязываются извне, а являются внутренними побудительными силами человека. Они проявляются в любых, даже очень простых ситуациях, например, в приветствии людей друг друга на улице, в общественном транспорте, на работе, в театре.

Все экзистенциалы и связанные с ними этические императивы объединяются в этические комплексы, которые мы будем называть традиционным понятием «образ жизни».

Образ жизни - коммуникативное пространство индивидов, имеющее свои смысловые границы, которое интернализовано индивидами как их собственный внутренний мир. Таким смысловым пространством может быть страна (моя страна), город (мой город) и т.д.

Смысл введения указанных понятий в реабилитации методологической позиции экзистенциальной онтологии: человек живет не во множестве миров, а в единственном мире, который он осваивает, о котором он заботится и т.д.

Конечно, образ жизни человека отчасти предзадан заложенными в социальной системе ценностными ориентирами, образами. Их специфика в том, что они как бы растворены в социальных действиях, явлениях, имеют вид конкретных, доступных для восприятия каждого человека символов.

Символы могут быть актуализированы с помощью особых форм социально организованных речевых практик - дискурсов. Последние, с нашей точки зрения, не сводятся к речевым процедурам, осуществляемым чисто лингвистическими средствами. Дискурсы выступают в качестве социально обусловленных способов установления коммуникативной связи между индивидами и социальной средой.

В традиционных обществах символические пространства очень понятны и не требуют специальной интерпретации. Они имплицитно содержат в себе смысловые матрицы, в которых закодирован опыт жизни народа, социальной общности.

Традиционные дискурсы представляют собой ритуализированные системы идентификации индивидами символических пространств (города, страны, семьи, общины и т.д.), а также идентификации индивидами самих себя в качестве элементов, релевантных данным пространствам. Дискурсивные коды традиционных обществ имеют ярко выраженную экзистенциальную природу. Основной смысл существования человека традиционного общества (дворянина, крестьянина, купца и т.д.) - в постоянном подтверждении своего бытийного статуса посредством определенных ритуализированных процедур распознавания себя в символах, непосредственным образом репрезентирующих реальность. Тождество символа и реальности обуславливает экзистенциальную насыщенность образов жизни людей традиционных обществ. Например, для дворянина его титул - не просто символический атрибут, но то, что является важнейшим способом его самоидентификации.

В современном мире символы (в том числе язык) утрачивают функцию репрезентации реальности. Последние все больше превращаются в своего рода конструкцию, состоящую из множества знаков-«полуфабрикатов», (симулякров), с помощью которых конституируется виртуальная реальность, наделяемая онтологическим статусом. Яркий пример - рекламные ролики, клипы. Безусловно, преобладание имитаций может привести к тому, что человек потеряет способность распознавать себя не только в коммуникационном поле жизненных ситуаций, но в качестве ссылающейся на самое себя, самочувствующей, самополагающей сущности.

В то же время в новой символической (коммуникативной) ситуации появляются возможности для использования собственно человеческого, экзистенциального ресурса. Они заключаются в том, что современная информационная эпоха требует появления принципиально иных, нетрадиционных форм дискурсов. В самом общем виде новый тип дискурса представляет собой особую систему одновременного конструирования и прочтения текстов. Текстуальные пространства организуются в соответствии с определенными дискурсивными правилами, которые носят исключительно конвенциональный характер. Человеку не надо задумываться над субстанциональностью содержания тех символов, с которыми он сталкивается в повседневности. То, что раньше считалось сакральным, в новых условиях превращается в наборы формул, рациональных схем объяснений, инструкций.

Важнейшее достоинство новых дискурсов, на наш взгляд, в том, что они «разгружают» рефлексивный потенциал человека, освобождает его от огромного количества условий, излишней ритуализации. Современные дискурсы создают социальные порядки, которые всегда оставляют возможность «добавить», они всегда открыты для реконструкции, внесения новых фрагментов. С новыми дискурсами связано представление о том, что существует принципиальная возможность альтернативности существующих порядков. Еще одно достоинство новых дискурсов — возможность обсуждения различных, даже на первый взгляд совершенно искусственных проектов, тем. Современные дискурсивные практики - это всегда дискуссия, спор, игра интерпретаций. Что-то утверждается, что-то отвергается. Современный мир - большой дискуссионный клуб. Нет ничего косного, догматичного. Все имеет право на существование и, в то же время, все может быть отвергнуто. Вместе с новыми дискурсами появляются новые сообщества, виды общественности. Участие в них позволяет индивидам активизировать свой экзистенциальный ресурс. Человек не связан лишь определенной социальной позицией, статусом. Возможность сознательно выбирать и формировать приемлемую для себя социальную среду, создавать и реализовывать жизненные проекты, менять жизненные планы - все это дает людям хорошие шансы проявить себя, почувствовать свои истинные возможности.

Возможно, такой взгляд на современную дискурсивную ситуацию покажется слишком оптимистичным. Действительно, негативные последствия распространения новых дискурсов, безусловно, существуют. К ним можно отнести распространенную практику манипулирования сознанием людей, преобладание имитационных моделей поведения. У определенных социальных групп, особенно молодежных, экзистенциальные интенции проявляются в редуцированных формах власти и гедонизме.

Преодоление данных негативных процессов, с нашей точки зрения, связано, во-первых, с формированием новой дискурсивной культуры, во-вторых, с возрождением и сохранением традиционных дискурсов. Последние вполне могут

«прижиться» в новой коммуникативной ситуации. Более того, дискурсивный консенсус будет являться гарантом раскрытия новых возможностей духовного развития людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ'

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. - М.: Медиум, 1995.
2. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология: Учебник / Н.Н. Козлова. - М.: Ключ, 1998.
3. Рикер П. Человек как предмет философии / П. Рикер // Вопросы философии. - 1989. - №2
4. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. - М.: Прогресс, 1990.